

СЕРГЕЙ БЕЛЯКОВ. ЧИТАТЕЛЬ ПО ПРИЗВАНИЮ

Давно ли Вы с удовольствием читали критические статьи? Да еще так, чтобы по ходу дела улыбаться и чувствовать искреннюю человеческую симпатию к автору? А вот Сергея Белякова никак по-другому читать не получается. Он пишет очень увлекательно, то страстно, то иронично, привлекая любопытные и полезные сведения нелитературного свойства (он историк), пишет и основательно, и легко. Но это не было бы ни удивительно, ни уникально: есть и другие хорошие и хорошо образованные критики. Больше всего привлекает особая, очень своя и какая-то очень мирная интонация, за которой никогда нет ни досады, ни злобы, ни раздражения и уж подавно намерения оскорбить оппонента. Выучка историка и высокая внутренняя дисциплина позволяют ему сохранять здоровую дистанцию между собой и явлениями, которые его занимают. Даже если он пишет не для респектабельного толстого журнала, а для Интернет-газеты. Даже когда он пишет о неприемлемых для него вещах и пишет достаточно жестко. Это тем более впечатляет, что место, где он служит заместителем главного редактора – более чем живое и располагающее к тому, чтобы погрязнуть в организационной рутине и нюансах межчеловеческих отношений. Литературный журнал «Урал» ценой немалых усилий уже полвека сохраняет статус едва ли не единственного провинциального журнала, способного конкурировать со столичными. Последние пять лет в этом есть и бесспорная заслуга Сергея Станиславовича. Мы от души поздравляем с 50-летием «Урал» и всех его сотрудников, бывших и настоящих!

СЕРГЕЙ, НАЧНЕМ С ТРАДИЦИОННОГО ДЛЯ НАС ВОПРОСА: ЧТО ВЫ ЧИТАЛИ В ДЕТСТВЕ И ЧТО ЗАПОМНИЛОСЬ?

Читал много, причем еще до того, как научился читать, мне читали вслух мама и бабушка. Очень рано мне понравилась «Повесть о Ходже Насреддине» Леонида Соловьева. Сначала мне читали, потом я читал, думаю, раз шесть прочитал точно и сейчас считаю это очень хорошим произведением, не устаревшим. Диккенса очень любил. Диккенса много мы читали и, слава Богу, что в детстве, потому что сейчас не до Диккенса: нет такого настроения, такого ритма, чтобы читать.

ИЛИ В ДЕТСТВЕ ИЛИ НИКОГДА?

Наверное, да. Он требует очень особого настроения, чтобы никуда не спешить, никуда бы не надо было бежать.

И НЕ КАЗАЛСЯ ДИККЕНС СКУЧНЫМ?

Нет, что вы. Очень интересно! «Пиквикский клуб» — так смешно, так забавно. Могу даже похвастаться, что с удовольствием прочел сравнительно редко называемую вещь — «Барнеби Радж». Не совсем диккенсовский роман, не о диккенсовской эпохе, не о XIX веке, а о XVIII, о бунте в Лондоне. Вроде бы, совершенно не диккенсовская тема, но уже с массой живых, истинно диккенсовских типов. Притом более динамичный, чем обыкновенные романы Диккенса. Нет, сейчас не перечитываю, но на полке у меня его собрание сочинений стоит, слава Богу.



Сергей Станиславович Беляков,
критик

ПОВЕСТЬ О ХОДЖЕ НАСРЕДДИНЕ

ЛЕОНИД
СОЛОВЬЕВ



ЛЕНИЗДАТ · 1974

А ИЗ РУССКОЙ КЛАССИКИ ВЫДЕЛЯЛИ КОГО-НИБУДЬ?

Гоголя всегда очень любил. Где-то, по-моему, лет в шесть мне прочли «Ревизора», я безумно хохотал, выучил наизусть, фрагменты многие повторял. А потом «Мертвые души», конечно же, «Миргород», «Вечера на хуторе близ Диканьки», блистательные украинские рассказы — это чудесно. Надо мной даже несколько посмеивалась моя мама, потому что я требовал (лет в восемь), чтобы перечитывали фрагменты с длинными описаниями, что, как я потом понял, было совершенно не характерно. Например, описания обеда у Собакевича или блюд, которые подавали у Коробочки. Или сад Плюшкина, помните, очень красивое описание, очень его любил.

А МАМА ВАША — ФИЛОЛОГ?

Да, она закончила наш филфак, но по специальности работала недолго, по ряду причин. Ушла на оптико-механический завод, где работать в то время платили почти столько же, сколько доценту, и был очень удобный график. Смены дневная, ночная, три дня дома.

Конечно, я многим ей обязан.



Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припеккой с лучком, припеккой с маком, припеккой с творогом, припеккой со сняточками и невесть чего не было.

Гоголь Н. В. Мертвые души // Собр. соч. в 7 т. Т. 5 / Н. В. Гоголь. — М. : Худож. лит., 1967. — С. 90.

Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своем картинном опустении.

Гоголь Н. В. Мертвые души // Собр. соч. в 7 т. Т. 5 / Н. В. Гоголь. — М. : Худож. лит., 1967. — С. 151.

Гравюры Е. Е. Бернардовского по рисункам А. А. Агина

Гоголь Н. В. Мертвые души : поэма / Н. В. Гоголь. М. : Худож. лит., 1968.



И КАК ПОСЛЕ ТАКОГО «ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО» ДЕТСТВА ВЫ УШЛИ В ИСТОРИЮ?

Это уже природное, очевидно, потому что история меня всегда очень занимала. В детстве, конечно, больше всего нравятся войны, и этого мне как раз не хватало, мало было литературы чисто военной. Потом этот интерес к истории стал кристаллизовываться.

Где-то в начале 90-х я стал особенно много читать философов, мыслителей. И более других мне понравился Лев Николаевич Гумилев. Его творчество, смею думать, знаю хорошо. «Этногенез и биосферу» перечитывал раза три, многие статьи. Гумилев смотрит на историю прежде всего как на историю этническую, историю этносов. И когда я поступал на исторический факультет, я точно знал, что более всего на свете меня интересуют этнос, нация, национализм. И что я буду заниматься чем-то, связанным именно с этим.

МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО ВАША ТЕМА, ХОРВАТСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ — ЭТО ВО МНОГОМ СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ?

Просто так получилось, что на первой же неделе занятий балканист Юрий Сергеевич Кирияков пригласил меня писать курсовую на его кафедре. С первого курса я занимался гражданской войной в Югославии в 40-е годы, потом писал курсовую по Независимому государству Хорватия, созданному в 1941 году под нацистским протекторатом. В 2006 году я защитил диссертацию по уставам, хорватским националистам, по их идеологии. Оппонентом у меня была Елена Юрьевна Гуськова, один из крупнейших наших балканистов, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Она приезжала на мою защиту, что очень приятно. Скоро книга выходит на основе диссертации. Хорватский национализм — прекрасный материал, интересные, малодоступные источники. Хотя, в принципе, украинский национализм или русский не менее интересны, и для своей докторской я, может быть, выберу другой материал. С темы национализма начался и мой путь в литературу в некотором смысле.

Иллюстрации Фреда Барнарда

*Диккенс Ч. Барнеби Радж /
// Собр. соч. в 30 т. Т. 8 /
Ч. Диккенс. — М. : Гос. изд-во
худож. лит., 1958.*



МИР ЛИТЕРАТУРЫ И МИР АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ — ЛЕГКО ЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ В НИХ ОДНОВРЕМЕННО? И ЧЕМ ОНИ, ПО-ВАШЕМУ, ОТЛИЧНЫ ДРУГ ОТ ДРУГА?

Академическая наука — это достаточно узкий круг. И беда в том, что наука у нас очень политизирована. По крайней мере, в нашей стране, Болгарии или Сербии некоторое несогласие влечет долгую вражду. Если твоя точка зрения расходится с точкой зрения какого-то мэтра, можешь приобрести себе даже врага. В литературе больше народа, во-первых. И степень свободы здесь гораздо выше, даже учитывая наличие почвенническо

го лагеря и лагеря либерального. Я могу это оценить, сравнивая с наукой. И еще в науке много дипломатничания, а оно часто вредит исследованию. Мне удалось в целом этого избежать. Политкорректность хороша на митинге, собрании, саммите, но никак не в исследовании. Даже если твои выводы чудовищны. В истории много чудовищного, тем более в истории национализма. Оказывается, что герои — часто одновременно и преступники. Анте Павелич, или Богдан Хмельницкий, скажем. Герой для своего народа, но военный преступник.

А СТАЛИН?

Сталин — это человек, который служил идее мировой революции, понимал ее как революцию через завоевательную/освободительную войну и в достижении этой идеи он был, наверное, гениален. И он действительно обладал многими качествами выдающегося человека. Но беда народу, которым руководит человек, увлеченный такой идеей... Очень часто бывает, что героя нельзя характеризовать однозначно. Это ведь только в сказках злодеи обязательно и глупые, и противные. Историк такого одномерного взгляда не может себе позволить.

ДАВАЙТЕ ПОПОДРОБНЕЕ О ВАШЕМ ПУТИ В ЛИТЕРАТУРНУЮ КРИТИКУ. НЕЛЬЗЯ СКАЗАТЬ, ЧТО ОН ТИПИЧЕН. КАК ВСЁ НАЧАЛОСЬ?

Началось в школе. В последних классах вечерней школы мне повезло с преподавателем литературы. Лидия Максимовна Яковлева на первом же уроке сказала: «Мой предмет упоительный». Именно уроки литературы и формат школьного сочинения предоставляли возможность творчества. Я начал писать сочинения, увлекся, набил руку. Летом 97-го года провел первое научное исследование, просто для себя. О Чехове, о том, почему ему не понравилась первая постановка «Вишневого сада». Кстати, некоторые идеи той давней работы я использовал для своей статьи в «Октябре». Летом 98-го я поступил в университет. До начала занятий оставалось полтора месяца свободного времени. Чем его занять? Денег тогда было мало, отдыхать мне особенно и не хотелось. Хотелось заняться чем-нибудь более творческим, чем подготовка к экзамену. Сначала думал писать о Шукшине, не получилось. А потом мне на глаза попался Олеша. Меня заинтересовал его феномен. Почему он так мало писал? Почитав его дневники, я решил применить к анализу его жизни и творчества теорию Гумилева. По Гумилеву, есть люди, способные аккумулировать энергии больше, чем это требуется для поддержания жизни. Энергию Гумилев понимает не в мистическом, а в физическом смысле как способность совершать работу. Человек живет, женится, воспитывает детей, это всё норма. Но есть люди, у которых энергии больше. Они могут создавать научные системы, могут быть завоевателями, то есть посвящать себя деятельности крайне энергозатратной. И есть люди, которым энергии не хватает. Они могут быть умны, приятны, талантливы, но поражены какой-то апатией. Олеша, по моим выводам был обычным человеком, обыкновенным, не пассионарием, но талантливым. Талант — это талант, а пассионарность для писателя — это способность заставить себя работать, работать много, напряженно, пренебречь отдыхом, сиюминутными интересами. У Олеша это не получалось. Был только краткий период, когда он писал сравнительно много, а в этот период он жил рядом с Катаевым, человеком, безусловно пассионарным, очень энергичным. Олеша сам описывает, как это было:

Преодоление
театра // Октябрь.
2008. № 1.



Хороший плохой писатель
Олеша // Урал. 2001. № 9.

он ложится спать, а Катаев работает, почему-то часто бегает в туалет, бегает, работает. Его задевало, и он тоже начинал работать. Есть такое явление, когда энергия передается другим людям, так называемая пассионарная индукция, по Гумилеву. Я хорошо отношусь к этой теории, она, мне кажется, многое объясняет, единственное, что ее почти не понимают. Гумилева записали чуть ли не в идеалисты и даже в мистики, а его теория материалистична. Это последовательный материализм, даже до биологизаторства. Она требует, чтобы ее разрабатывали, в том числе физики, биофизики, это для них задача. Неслучайно ведь его любят естественники, в основном, географы. Его очень не любят историки. Для историков он слишком экстравагантен. Перечитывая дневниковые записи Олеша, я нашел еще одну проблему. Олеша — русофоб. Не прямолинейный, не откровенный. Он мечтал о Европе, Россия же у него ассоциировалась с чем-то косным, скучным, глубоко чуждым. Одесса нравилась, но как город европейский. Все понятно, он же поляк, представитель другого народа. Есть фундаментальное деление на своих и чужих, и оно очень ярко проявляется, когда люди разных этносов встречаются друг с другом. Мы отличаем своих от чужих. Когда человек вынужден жить среди другого народа, это не может не порождать негативное восприятие. Олеша не был ярым националистом, Боже упаси, но все-таки нежная любовь к Европе и такое несколько пренебрежительное отношение к России чувствуются. Так я написал вторую часть этой работы.

И ВЫ СРАЗУ ПОНЕСЛИ ЕЕ В «УРАЛ»?

Нет, сначала показал Валерию Александровичу Гудову, который преподавал у нас на подготовительных курсах и любезно согласился почитать. Вот тоже, подумать, согласился ли бы я на его месте. Не знаю. Он ведь не обязан был, тем не менее прочел, с замечаниями, предложениями, очень ему понравилось. Он и предложил мне подготовить это для публикации

в «Урале». И там уже дело пошло довольно медленно. Учеба на истфаке очень трудная, если учиться по-настоящему, а не валять дурака. Я переделал статью к марту 99-го. И только поздней осенью отнес в редакцию «Урала», отдал Галине Лукьяниной, чтобы та передала Константину Богомолову. С тех пор началась жизнь этого текста. Костя Богомолов не сразу, но внимательно прочитал, и пошла уже нормальная работа над рукописью. Однако неожиданным препятствием стал Коляда. Он, как я понимаю, не понял, о чем это написано, не понял жанр.





А ЭТО КАКОЙ-ТО ОСОБЫЙ ЖАНР?

Жанр действительно своеобразный. Это художественное исследование. Я считаю, что это идеальная для меня форма. Где-то получается больше, где-то меньше, не всегда получается. Но лучшие мои вещи получаются именно в этом жанре. Словом, так вышло, что работу об Олеше опубликовали только в сентябре 2001 года. И с 2001 по 2003 г. я стал одним из ведущих авторов отдела критики. Я еще учился, писал не очень много, в основном, летом. Написал большую статью о Заболоцком, это единственная моя статья с филологическим креном. А так я старался писать, чтобы было интересно и профессору, и студенту, и кому угодно. Не люблю критики непонятной. Скажем, статьи Леры Пустовой — Господи, их же читать невозможно, слог очень тяжелый, масса терминов. Хорошие критики этого избегают, и Роднянская, и Наталья Иванова. Они лучше чувствуют специфику жанра. Критика не рассчитана на специалистов, критика рассчитана на подготовленного, но массового читателя, не доктора наук. Неслучайно из филологов далеко не всегда выходят хорошие критики, они тяжеловесны, писать не умеют. Специфический научный стиль убивает способность писать нормально. Меня ругали часто, что и научные статьи, и диссертацию я писал слегка облегченным слогом, не наукообразно, не безэмоционально.

Гностик из Уржума :
заметки о натурфило-
софских взглядах
Н. А. Заболоцкого //
Урал. 2003. № 5.

ТО ЕСТЬ, ВАС МОЖНО ЧИТАТЬ?

Говорят, да.

А КНИГУ КРИТИКИ НЕ ГОТОВИТЕ?

Предлагали, но пока не вижу необходимости. Я видел книги критиков, они мне редко нравятся. Смотрите, книги Немзера... Ну, ладно «Литературная карта России» получилась удачной, но его «Дневники читателя» по годам мне не нравится, нехорошо это. Книга не должна быть сборником рецензий. Рецензия переключается с контекстом литературной и политической жизни, который уже не существует ко времени издания книги. Да и зачем, Господи? Посмотрите на тиражи этих книг. Даже у Натальи Ивановой — 500 экземпляров, это же позор, кому это надо. А я пока не более интересен, чем они, для читательской аудитории. Писать, так уж книгу, которую будут читать все.

**ЕСТЬ СОВРЕМЕННЫЕ АВТОРЫ, КОТОРЫХ ВЫ МОЖЕТЕ
ЧИТАТЬ «ДЛЯ ДУШИ»? СОХРАНЯЕТЕ ЛИ ВЫ ЕЩЕ
СПОСОБНОСТЬ К ТАКОМУ ЧТЕНИЮ ИЛИ ЧИТАЕТЕ
ПОЧТИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОТОМ
ОБ ЭТОМ НАПИСАТЬ? ЗНАЮ, ЧТО ВЫ ВЫСОКО ЦЕНИТЕ
ЮЛИЮ КОКОШКО.**

Кокошко — это, конечно, не чтение для досуга. Очень ценю этого автора и рад, что помог ей получить Бажовскую премию. В своем узком сегменте она, наверное, чемпион. Но это самый крайний вариант литературы для единиц, для десятков читателей. Ну, скажем, Александр Иличевский — вот читатель Кокошко, но это же интеллектуал. Таких мало.

А САМ ИЛИЧЕВСКИЙ?

Сам Иличевский — безусловно, интересный писатель, и сейчас как романист, возможно, крупнейший. И очень неожиданный. Он печатался и до «Матисса», был и рассказ «Воробей», за который он получил премию Юрия Казакова, и



Натюрморт с камнем
// Знамя. 2006. № 12.

Правда, увиденная
своими глазами : Россия
через разную оптику //
Новый мир. 2008. № 1.

Дон Кихот из Хайфы
// Новый мир. 2007.
№ 5.

«Ай-Петри». Но как-то я это пропустил, ну, смотрю, вроде бы, мастер. А по-настоящему оценил после «Матисса», тогда я другими глазами посмотрел и на прежнее творчество. Дай Бог ему дальнейших успехов. Вот даже «Уралу» он рассказик подарил, очень хороший, уровня вполне новомирского.

Славникова? Нет, не для души, это только для работы. Да, интересный автор, кто ж спорит, по ее поводу есть что-то сказать. Есть писатели, о которых вообще нечего сказать, лучше умолчать.

**В СВОЕЙ СТАТЬЕ В «НОВОМ МИРЕ» ВЫ ГОВОРИТЕ
О РАЗЛИЧНЫХ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОПТИКАХ.
КАКОЙ ВЗГЛЯД НА РОССИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНО
И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО БЛИЖЕ ИМЕННО ВАМ?**

Маканинский, безусловно. Вот его взгляд на Россию мне ближе. Это взгляд обывателя, а я считаю себя обывателем во всем, кроме науки. Маканин мне очень нравится. Я понимаю, что у него есть только один недостаток — он немного холоден. Это его особенность, которая никогда не сделает его массовым. Борис Васильев как писатель намного ниже, но он умел затронуть души человеческие, чувствительные струны человеческой души, затронуть историей, которая не может оставить равнодушным. Маканин может оставить равнодушным, хотя мастер он гораздо более интересный.

**В ЭТОЙ ЖЕ СТАТЬЕ ВЫ ДАЕТЕ ОЧЕНЬ ЯРКИЙ АНАЛИЗ
ТВОРЧЕСТВА МАРИНЫ ПАЛЕЙ, КОТОРАЯ РОССИЮ
НЕНАВИДИТ ТАЛАНТЛИВО И ИЗОЩРЕННО.
МОЖЕТ БЫТЬ, НЕНАВИСТЬ ВООБЩЕ УМНЕЕ ЛЮБВИ?**

Любовь и ненависть — темные чувства, иррациональные. Чувство первично, а дальше разум начинает чувство переводить, перетолмачивать на рациональный язык, и если человек талантлив, он и любовь свою и ненависть может выразить хорошо в словах. Марина Палей Россию ненавидит, но она умеет хорошо это выразить. Должное отдаю, это блистательный автор, большой талант, но очень тяжелый. Я с ней переписывался, и это был экзамен на толерантность, потому что у меня такой взгляд вызывал глубочайшее отвращение. Благо опыт чтения разных книг, вплоть до «Майн Кампф», помогает попытаться понять чужую точку зрения, даже если она монструозна.

**В ЦЕЛОМ ВЫ СЧИТАЕТЕ ДОСТАТОЧНО ВЫСОКИМ
УРОВЕНЬ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ?
И КАКИЕ ВЫ ВИДИТЕ СЛАБЫЕ МЕСТА?**

Мастеров-то много. Я Толстого недавно перечитывал, «Казаков», «Севастопольские рассказы». Кое-что современный редактор бы подправил (есть мелкие стилистические недостатки). Литературные тексты сейчас, как правило, гладкие, почти идеальные, с очень хорошими точными метафорами, великолепно построенными предложениями. С удивлением замечаю, что и сюжет некоторые научились строить, решив дать бой массовой литературе. Но вот не хватает героя. Чего нет, того нет. Остапа Бендера нового нет, нового Акакия Акакиевича нет, нет Печорина, Базарова, никого запоминающегося, очень серо именно с героями. Увлечусь неким.

ВЛЮБИТЬСЯ НЕ В КОГО.

Получается именно так. Много писателей-мастеров, но не хватает способности создать героя, а это сразу отделяет такую литературу от читателя. Читателю нужен герой. Вот даже Даниэль Штайн — на что, вроде бы, ис-

кусственно синтезированный герой, очень противоречивый, тем не менее, и того съели с удовольствием

КАКАЯ ВАША РАБОТА ВЫЗВАЛА НАИБОЛЬШЕЕ КОЛИЧЕСТВО ОТКЛИКОВ? ОБ ОЛЕШЕ?

До недавнего времени да, про Олешу. Я стал немножко знаменитым, меня узнали. А потом я еще опубликовал статью про Олешу-националиста («Нерусский писатель Олеша»), и она вызвала очень резкий отклик, в том числе в столице. Были отклики на уровне «Из какой подворотни...». Агеев даже написал «Тянет чем-то гнойным»

ЭТО УЖЕ УСПЕХ.

Работа об Остапе Бендере, которая потребовала много времени и сил. Она высоко оценена, но литературными гурманами. А вот самую громкую реакцию вызвала статья, опубликованная в сравнительно закрытом академическом журнале «Вопросы литературы», о современной молодой литературе. В «Литературной России» началась полемика по ее поводу, очень много было откликов в Интернете. Прилепин высказался, Сенчин высказался. Молодые писатели, по-моему, читают только себя и о себе, у них неадекватное представление, они думают, что они гении. На самом деле, никто из них не выходит за рамки среднего уровня. Хотя от Прилепина можно ожидать, что он найдет героя, который зацепит. А большинство и на это не способно. Денис Гуцко — хороший автор бунинского типа, который не хочет писать о великих деяниях, социальных проблемах, а его заставляют. У него есть прелестные аполитичные рассказы.

Я люблю, когда литература актуальна, но не всем писателям это дано. А вообще идет новая социологизация очень активно — наверное, это хорошо. Это шанс, что литература станет интересна многим, и это правильно. Но всегда должны оставаться писатели, которые решают исключительно творческие задачи.

ДА, А ЧТО ПРО «ЧТЕНИЕ ДЛЯ ДУШИ», ПРОСТО ТАК?

Я стараюсь писать о том, что интересно. Совмещать. Роскошь прочесть книгу для себя и ничего не написать я могу себе позволить очень редко. Как правило, надо читать, чтобы где-то это использовать.

СТАРАЕТЕСЬ ПИСАТЬ О ТОМ, ЧТО ВАМ ИНТЕРЕСНО, И ЧИТАТЬ ТО, О ЧЕМ БУДЕТ ИНТЕРЕСНО ПИСАТЬ

Да. Не представляете, кого (что) приходится читать в процессе написания статьи, вплоть до Бхагавадгиты. Благо одна из моих девушек была кришнаиткой, она и познакомила меня с индийской религиозной литературой. Писал статью о военной прозе и здесь открыл для себя классика военной литературы, которого, не читал, к стыду своему, Константина Воробьева.

ДАВАЙТЕ ЕЩЕ ПОГОВОРИМ О ВАШИХ «ВОЕННЫХ» РАБОТАХ И О СУВОРОВЕ? СКАЖИТЕ, КАК МОЖНО К СУВОРОВУ СПОКОЙНО ОТНОСИТЬСЯ? У ВАС ВЕДЬ ПОЛУЧАЕТСЯ.

Суворова я прочел только на 4-м курсе, потому что начались семинары по советской истории. Наш преподаватель оказался «суворианцем». Да, это было очень интересно. Я прочел — песня! У редкого историка я встречал такое великолепное владение источниковедческим анализом, ремеслом историка. Источник — вещь хитрая, с ним надо уметь работать, извлекать информацию из потока и анализировать, осмыслять. У Суворова это есть.

Европеец в русской
литературе: нерусский
писатель Юрий Олеша
// Урал. 2004. № 10.

Одиноким парус Остапа
Бендера : литературные
раскопки // Новый
мир. 2005. № 12.

Новые Белинские
и Гоголи на час //
Вопросы литературы.
2007. № 4.

Прелюбодей мыслей,
или Виктор Суворов
туда и обратно //
Континент. 2005. № 126.



Я понял, что очень сильные у него доказательства, хотелось бы поспорить, но трудно. Фантазировать на тему, что вот, есть документы, которые опровергнут Суворова... Если есть — опубликуйте. Документы, опубликованные в 90-е, только подтверждают суворовскую теорию, сейчас развитую Мельтюховым и Солониным. Что сказать, блистательный исследователь...

А личность? Что делать, если ты не хочешь доверять такому персонажу?

Конечно, человек подлый. Но надо, все-таки, стремиться понять: идеальных людей не бывает. Талант и нравственные свойства — это разные вещи. Необязательно злодей должен быть безобразен, талантливый человек — хорош, хороший — талантлив.

ЛЕГКО ЛИ ВАМ ПЕРЕХОДИТЬ С «ЖУРНАЛЬНОЙ» КРИТИКИ НА «ГАЗЕТНУЮ» И РАЗНЫЕ ЛИ ЭТО, ПО-ВАШЕМУ, ЖАНРЫ?

Конечно, для журнала писать сложнее, конечно, для газеты — выгоднее. Но дело не в деньгах, а в том, что это дает совершенно другой опыт. Во-первых, не теряешь связь с публикой. Например, «Новый мир» очень высокую планку задает, надо писать, учитывая много факторов, привлекать много материала, сложного для восприятия. Чтобы не потерять навык писать доступно читателю, это очень ценно — писать для газеты. Идея родилась из нашей с Сашей Зерновым «уральской» рубрики «Между ангелом и бесом», рубрики, созданной для массового читателя, но как раз до массового читателя и не доходившей.

КАКИЕ У ВАС «НЕЛИТЕРАТУРНЫЕ» УВЛЕЧЕНИЯ?

В свое время, в перерывах между учебой, я получил профессию повара-кондитера. Готовить я люблю, но очень времени мало. Надо два-три часа посвятить хорошему блюду. Ну, в Новый год могу себе позволить. 31 декабря я готовлю новогодний стол, те же салаты, и еще некоторые блюда, которые только я умею.

Животных люблю. Шел сюда, встретил дворовых собачек, купил им по беляшу.

Люблю кинематограф, в основном, отечественный, от Тарковского до Гайдая. Ценю фильмы Киры Муратовой. Жаль, что самое значимое событие киногода, ее фильм «Два в одном», критики недооценили. Западное кино я просто плохо знаю. Когда мне говорят о Квентине Тарантино, я просто не понимаю, на что это пародия. Почти все мои знакомые понимают прекрасно ...

МОЖЕТ БЫТЬ, ДЕЛАЮТ ВИД?

Да нет, понимают. Когда-то на Радио Свобода сравнивали «Семнадцать мгновений весны» и фильмы о Джеймсе Бонде. Мне это было диким. «Семнадцать мгновений» — это для меня безусловный шедевр. А Джеймс Бонд — ничто и никто. Мне это неинтересно, я ни одного фильма до конца не досмотрел. Это не значит, что меня не интересует западный кинематограф, интересует и очень, но я его не знаю. Хотя кое-что очень нравится. Года два назад только посмотрел «Дети райка» Марселя Карне и открыл для себя французский послевоенный кинематограф, который, по-моему, очень интересный. Стэнли Кубрика некоторые фильмы нравятся. При всем моем отвращении к насилию, я люблю все, что талантливо. «Заводной апельсин» — жуткий фильм, страшный тем, что человеческая природа неизменна, и ее проявления бывают чудовищны.

Валентина Живаева